

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Семейное дело. Продолжение. Часть 2: Пресловутая кассета

— Мне нужно сходить к другу ненадолго, — холодно произнес Тимка, слегка отстраняясь от матери.

— Куда... ну, куда, дорогой... ? — продолжая целовать сына, спросила мать.

— К Кириллу... — отрывисто отвечал сын, отстраняясь от матери и начиная одеваться. — Нужно забрать конспекты.

И он начал быстро одеваться, подталкиваемый безумной похотью и интересом. На то, чтобы одеться ему потребовалось не более пяти минут. Он открыл дверь и, пообещав скоро вернуться, быстро ушел. Мать пребывала в растрепанных чувствах. Ей казалось, что она сделала что-то не так, что она уже наскучила сыну и вообще... Женская грусть, усталость и неудовлетворенность рождала в голове мысли о женской несостоятельности. Она ругала себя за прежнюю робость и предубеждения, за нелепые запреты, за непокорность. За этими мыслями она присела на диван и на её глазах выступили горькие слёзы разлуки.

Между тем, Тимка пришел домой к Кириллу.

— Привет, Киря! — возбужденно произнес Тим.

— Здорово! — приветствовал друга Кирилл.

— Слушай, я с прошлого раза не могу спать и есть, всё думаю о той кассете.

— А, ну понятно... — улыбнулся Кирилл. — Ну, заходи. Так и быть поставлю тебе, досмотришь. У меня вначале такое же чувство было, а потом прошло.

Они прошли в зал, Тим снова устроился на диване, а Кирилл вытащил из сейфа кассету и поставил её в видик.

— Я немного перемотал её, — виноватым тоном произнес Кирилл.

— Да и фиг с этим. Давай, включай! — возбужденно произнес Тим.

— Ладно, тебе это интересно, а мне уже четвертый раз стремно смотреть. Я тебе включу, а сам пойду, схожу в магазин. Если что — остановишь, отец сегодня поздно придет. Держи пульт! Тимка взял пульт, положил его рядом с собой на диван и, поднявшись, направился в коридор.

— Я в туалет.

Уже в туалете Тим услышал, как захлопнулась дверь за Кириллом. Тимка, вернулся на диван и, усевшись поудобнее, нажал на кнопку «play». На экране появились уже виденные ранее кадры, где доктор одной рукой держал шейку, а другой разминал её.

— УУУффф... НННааааффф... ффф... — ныла женщина, держась за низ живота.

Затем доктор отпустил шейку и начал делать фистинг. Его большущие руки сновали взад-вперед внутри женщины, а кадры показывали, как сжатый кулак припечатывал шейку и вдавливал её. Оператор, предопределяя развитие событий, переместился на живот беременной и снимал, как он периодически увеличивался, заставляя женщину кричать и стонать.

— У этих славян такая выносливая матка! — восторгался доктор. — С этими словами он резко вытащил одну руку из влагалища.

— АААййй! ОООУуууу! Оооооййй... — закричала женщина и, схватившись за живот, заплакала.

А доктор между тем продолжал фистинг, а другой рукой надавливал на низ живота, давя на

матку. Оператор показывал крупным планом лицо женщины, на котором выступил пот.

— Мааа... Мамочка... аааААА... УУУ... АААА! МамочкААА!... — кричала и плакала женщина.

Затем доктор остановился.

— Снимай мою руку... — холодно произнес доктор.

Камера вновь показывала кадры внутри влагалища. На них было видно, что указательный палец доктора наполовину вошел в шейку, и сейчас доктор медленно вынимал его.

— Хорошая матка... — приговаривал он, надавливая на низ живота.

Затем его палец медленно вышел из матки, и немного крови вытекло из шейки.

— АААййй... ууууммммм... ффф... — дернулась женщина.

Доктор вытащил из влагалища руку и показывал её оператору. На ней была слизь и кровь, вытекшая из матки. Женщина продолжала лежать, и на её лице было всё — это и счастье, что всё закончилось и улыбка, которая удерживалась силой воли и слёзы боли, текущие из глаз.

— Уфффф... — улыбнулся доктор, обращаясь к оператору. — Я даже устал немного... Чертовы бабы... Ну, что... Я хочу в туалет, а ты?

— Да, я тоже... — отозвался оператор.

Они оба расстегнули ширинки и направили свои струи во влагалище женщины, кайфуя при этом и посмеиваясь... Далее шло плавное затухание экрана. Тимка вновь заворожено всматривался в экран, ожидая продолжения. И оно не заставило себя ждать.

Камера двигалась по коридору, показывали двери кабинетов. Возле одного она остановилась, и на экране показали номер 36. Далее, открыв дверь, оператор показывал картину, которая чуть не снесла башку Тимке. На скамейке вдоль стены кабинета сидело три парня, а на полу перед ними на коленях стояли и делали минет три взрослые женщины. Камера медленно скользила по силуэтам работающих дам, показывая их подрагивающие в такт движениям мощные задницы. Далее показывали члены, которые легко входили во взрослый женский ротик. Внезапно боковая дверь открылась, и в комнату вошел доктор. Камера отвлеклась от писюнов и показала улыбающееся лицо доктора.

— Здравствуйте, я доктор Гюнтер. Я хотел бы вам представить наших пациентов. Проблемы родителей и детей зачастую замалчиваются современным обществом, а, между тем, они очень серьезные. По моим данным, более трети парней хотят трахнуть свою мать и, примерно, четверть дочерей мечтают о своём отце, как о первом любовнике. Моя клиника — единственное место, где нет абсолютно никаких запретов! Перед вами три семейные пары. Это, так называемые, матери-одиночки. Все эти женщины из России. В России это довольно распространено, когда женщина остается одна с детьми, так как суд этой страны не считает отцов вправе наделять правами и обязанностями такими же, как матерей. В результате русские женщины остаются одиночками, в расцвете сил, наедине со своими взрослеющими детьми. По моим данным более 70% случаев инцеста в семье приходится именно на неполные семьи. Это проблема не только русских, но и вообще славянских народов, где издревле практиковался дикий секс.

В этот момент камера отъехала от лица доктора и показала общий план кабинета, плавно переходя на лица женщин.

— Давайте представим этих плохих мамочек, совративших своих сыновей! — ехидно продолжал доктор.

С этими словами женщины оторвались от писюнов и поднимались с колен, улыбаясь при этом.

— Подойдите сюда! — приказал доктор, указывая место около окна.

Женщины не понимали слов доктора и немного озирались по сторонам.

— Давайте, подойдите к окну. Шевелитесь! — послышался шепот за кадром. — А то Анвару пожалуюсь.

Женщины покорно подошли и встали около окна, рядом с доктором.

— Это реальные матери и сыновья! — начал доктор. — Мы снимали их почти девять месяцев назад. Тогда они безумно трахались со своими сыновьями. А сегодня они для своих сыновей уже не просто матери...

Дальше воцарилась пауза, а камера отъехала назад и показала женщин полностью.

— Пиз... — только и мог произнести Тимка, глядя на экран.

Все три женщины были с большущими животами, готовые уже родить.

— ... Да-да, вы не ошиблись, — продолжал доктор после паузы и, поглаживая беременный живот, ближайшей к нему женщины. — Они сегодня не просто матери для своих сыновей, а полноценные любовницы и жены. Эти, так называемые, матери-одиночки сразу нашли себе и мужчин и любовников и отцов. Давайте спросим этих мамочек об их чувствах к своим детям.

Оператор быстро подошел к наиболее полной женщине и начал переводить ей вопросы, задаваемые доктором.

— Как тебя зовут?

— Татьяна. — натужно улыбаясь, отвечала женщина.

— Откуда ты, сколько тебе лет?

— Я из Иваново, мне 38 лет.

— Тебе нравится твой сын?

— Да, очень! Он такой горячий!

— Как ты чувствуешь себя беременной от своего сына?

— Как баба! Ммм... — смотря при этом в камеру и улыбаясь, произнесла женщина.

— У тебя ещё есть дети?

Женщина смотрела в камеру и молчала.

— Дддааа... ещё двое с мамой... — опустив голову, произнесла она.

— Ммм... так ты у нас мать-героиня? — продолжал оператор.

— Что там? Пусть ложится в кресло! — вмешался в разговор Гюнтер.

Женщина не понимала разговор и настороженно посмотрела на доктора, а затем на оператора. — Доктор сказал, чтобы ты легла в кресло.

— Ой... не надо... — взмолилась женщина.

— Ложись, давай! — холодно произнес оператор.

Женщина подошла к креслу и, кряхтя, медленно взобралась на него, расставив ноги.

— Я не хотела... — шептала она оператору. — Мне же нельзя уже...

— Сама, дура, напросилась... — был слышен шепот оператора. — Вообще бодрее нужно быть!

Помнишь наш разговор?

— Окей! — внезапно произнес подошедший доктор. — Где её сын?

К креслу подошел один из парней.

— Любишь мамку? — спросил его оператор.

— Очень люблю! Особенно влагалище... — развязно улыбнувшись, ответил тот.

— Мамочке сейчас плохо... А мы сделаем ей хорошо?

Юноша кивнул.

— Сынок, только осторожнее... — умоляла мать. — У меня матка, похоже, уже открылась.
— Давай! — подбадривал Гюнтер. — Вот тебе табурет, чтобы удобнее было...

Парень с интересом смотрел на оператора, а камера показывала его голубоватые глаза, в которых играл огонёк похоти.

— Он сказал, чтобы ты встал на табурет — так тебе удобнее будет. — перевел оператор.

Тот подошел к матери, нежно поцеловал её в губы и затем, удобнее устроившись на табурете, ввел свой уже стоячий писюн, матери во влагалище. Он начал ритмично трахать мать.

— Оууу... — раздалось из уст матери. — Кирюша, сыночек, не смотри на меня...

— Смотри-смотри! — засмеялся оператор. — Нужно отвечать за свои поступки... Обрюхатил свою мамку...

— О, мамочка! — пыхтел сын, вгоняя свой писюн во влагалище. — Я люблю твою теплую дырочку! Я люблю тебя, мамочка! Ддддааа... ддддаааа... ддддаааа...

— Мммм... — стонала мать. — Нннаааа... аааййй... Кирюша, сынок... ты уже членом до матки достаешь... Как он вырос! Мммм... Совсем взрослый уже!

В этот момент парень задержался и начал кончать прямо во влагалище матери. Он не кричал, он просто подергивался в конвульсиях оргазма, держась за ноги матери, чтобы не упасть.

— Гуд! Вери гуд! — закричал Гюнтер. — Но, по-моему, она не кончила?

— Да, доктор, я тоже так думаю. — поддержал оператор.

— А почему бы сыну не доставить дополнительное удовольствие матери?

— Намекаете на фистинг, господин доктор? — спросил оператор.

— Вы очень догадливы! — засмеялся Гюнтер.

Всё это время ни сын ни мать не понимали их диалога, но слово фистинг мать прекрасно уже знала.

— Ой, мамочки... — заняла она, смотря на оператора. — Это он фистинг мне будет делать?

— Да, мамочка! Только не он, а твой сын... — улыбаясь, отвечал оператор. — Кирилл!

Парень посмотрел на оператора.

— Садись на табурет. Дай свою руку. Сожми её в кулак. Вооттт. — он смазал руку сына лубрикантом. — А теперь вводи этот кулак в мамку. Вот ттааааккк... сюда давай... не робей... Сильнее!

Кирилл с азартом вводил свой кулак матери во влагалище. Его глаза блестели!

— Аааайййй... — закричала мать. — Сыночек, осторожнее... УУУуууу...

— Ещё толкай! — подзадоривал оператор, когда кулак мальчика скрылся во влагалище.

Кирилл продолжал толкать свою руку вперед до упора.

— АААйййй... МММннннн... ААААйййй... — кричала мать. — Он же маааа... тку мою толкаааа... ет! УУУУ...

— Что чувствуешь? — спрашивал оператор.

— Мокрое мамино влагалище. — отозвался Кирилл.

— Мамкину матку чувствуешь?

— Да, там у неё еще одна дырочка приоткрыта. Я палец туда пытаюсь засунуть... — с азартом ответил сын, а оператор перевел фразу доктору.

С этими словами доктор подошел к женщине и своей рукой взял руку парня за локоть.

— Алес! — крикнул он и надавил на руку, давая ей возможность войти глубже.

— Мааааа... мочкиии... ООоооййй... УУУУУ... — закричала женщина.

— Здорово! Я, кажется, в матку пальцем проник! — возбужденно произнес Кирилл, не

обращая внимания на стоны матери.

В этот момент доктор надавил женщине на низ живота.

— АААА... ОООООУУУУ... — зарыдала мать, схватившись за руку доктора.

— Скажи ей, чтобы сжала свои сиськи! — крикнул доктор оператору, освобождаясь от её руки.

— Доктор говорит, чтобы ты сжала свои сиськи. — холодно перевел оператор, продолжая снимать. — Убери руки с живота!

— Ааааамммммнннн... ОООоуууу... — рыдала Татьяна и, подчиняясь приказу доктора, с силой сжала свои сиськи.

— Йя, дас ист гут! — продолжая давить на живот, произнес доктор. — Вайтэ! Вайтээ... Ты должен быть сильным! Ты — уже мужчина!

И он вновь взял руку и надавил на неё... Пару секунд спустя, из материнского влагалища полилась околоплодная жидкость. Доктор спокойно вытащил руку и, разведя влагалище двумя руками, произнес.

— Сейчас ей необходимо прижать ноги к плечам.

— Прижми колени к груди! — резко скомандовал оператор.

— ОООооййй... Ааааайййй... мммммннннАААА... — стонала мать, прижимая колени к груди. Доктор развел влагалище зеркалами и подозвал оператора для съёмок. Камера показывала наполовину раскрытую шейку матки в глубине влагалища. А свет осветителя давал возможность увидеть даже волосики на голове младенца внутри матки.

— Алес гутэ! — произнес доктор и вышел из комнаты.

— Ну, как ты? — спрашивал оператор.

— Оййй... фффф... рожать готовлюсь... — стонала Татьяна.

— Вот и хорошо... Я роды ещё не снимал.

— Мммм... ннннаааа... фффф... пппфффф... — ритмично дышала Татьяна. — Да что в них интересного...

— Ну, вам бабам не интересно... — произнес оператор, улыбаясь.

Через некоторое время в комнату вошел доктор.

— Пусть опустит ноги!

— Опустит ноги. — перевел оператор.

— Ооооууу... Ааааамммммнннн... — застонала Татьяна, опуская ноги.

— Обопрись на упоры... — холодно произносил доктор, а оператор не менее холодно переводил. — Хорошенько упрись!

— Да знаю я... фффф... нннн... фффф... — дышала Татьяна. — Не первый раз рожаю...

— Кирилл, подойди! — позвал оператор. — Будешь роды у матери принимать...

— Сынок! — неожиданно позвала мать. — Раз уж так получилось у нас, то я хочу, чтобы ты всю меня познал...

Кирилл медленно подошел к матери. Она протянула к нему руки, он нагнулся к ней и они обнялись.

— Мамочка, родная, прости... — шептал Кирилл.

— Да всё нормально, сынок... — шептала мать, целуя его. — Ты мой любимый... Давай, я сейчас потужусь немного и ты примешь нашего ребеночка... Хорошо?

Кирилл уже уверенней расположился между ног матери и подставил руки.

— Тужься! — командовал доктор.

— ММММннннн... АААА... ППППП... — тужилась мать.

— Стоп! — командовал Гюнтер. — Вайтэ!

— Давай ещё! — скомандовал оператор.

— Нннн... ПППП... ММММнннн... Ооооо... фффф... — тужилась мать.

— Прекрасно! Давай, ещё! — скомандовал оператор. — Уже головка показалась...

— ААААмммм... НННННаааа... ППППП... ффф... фффф...

Так продолжалось минут десять. И внезапно комнату оглушил пронзительный детский крик.

— Мальчик! — радостно произнес оператор — Ещё один мужик будет тебя трахать...

— Да ты знаешь, мне сейчас все-равно... — умиротворенно произнесла Татьяна, пытаясь отдышаться. — Пус... кай тра... хаает...

В это время доктор подготавливал шприц, а затем сделал какой-то укол в вену только что родившей. Потом он надел резиновую перчатку на свою руку и, пригласив оператора снимать, стал вводить её в раскрытое после родов влагалище матери. Другой рукой он с силой надавливал на живот матери.

— Вунда ба... Йааа... — приговаривал он, погружая всю несжатую ладонь в матку. — Йа... шайзэ... дас ист шён...

— Ооооонннн... ммммаааа... ннннАААййй... — застонала мать.

— Терпи! Не дергайся! — продолжая снимать, возбужденно произнес оператор. — Он тебе в матку руку ввел...

— Я у неё в матке... Отделяю плаценту. — деловито произнес доктор, поворачивая голову в камеру. — Матка очень крепкая!

— Оооууу... Ааааййй... — застонала мать и живот начал усиленно дергаться, поскольку матка сильно сокращалась.

— Йа... йааааа... Вунда ба... — продолжал доктор, извлекая послед. — Йааа... вайтэ...

Оператор с осветительным прибором показывал, как можно крупнее, раскрытую матку. Затем доктор, что-то сказав оператору, вновь ввел свою руку внутрь матки и надавил на живот матери.

— Он говорит, что ввел тебе препарат, который сокращает матку. — сказал оператор.

Дальше было плавное затемнение кадра. В следующем кадре Тимка услышал крики женщины...

— Ооооййй... ММММмммм... ННнннАААА... — кричала она и хваталась рукой за живот.

— Йа... Вунда ба... — доктор вытягивал руку из влагалища.

Живот матери сотрясали невероятные сокращения. Фактически роды происходили заново.

— Йааа... Дас ист шёённн... Йааа... МММмммм... — улыбаясь, закатывая глаза от блаженства, произносил доктор, продолжая вытаскивать руку.

— ОООооооййй... — корчилась от боли мать, одной рукой держась за живот, а другой за подлокотник. — Ммммаааа... ммоооочччкиииИИИ...

— Вунда ба... Дас ист гуууддд... Йааа... — продолжал доктор, не обращая внимания на крики.

В это время камера показала крупным планом пизду этой женщины. Из глубины влагалища на свет вылезала крупная волосатая рука доктора. Она была вся в слизи, с примесью крови и на кисть руки в районе пальцев обволакивала слизкая, нежно розовая шейка матки, растянутая вдоль всей ширины ладони.

— Охуеть!... — возбужденно кричал оператор. — Танька, он тебе руку из матки вытаскивает! Как ощущения?

— АААА... ОООООууууу!!! ЙЙЙЙааааАААА!!! — кричала женщина, с силой сжимая свой

живот. — ААААййй! Словно рож... АААААюююю зззААААнов... ООООййй!!!

Волосатая рука доктора медленно извлекалась из матки, оставляя за собой на руке кровавый след от небольших разрывов на шейке. Женщина уже не кричала, а стонала и пошире разводила свои бедра, давая руке доктора больше места для выхода.

— Давай, кобеЕЕЕель... УУУУфффф... вытаскивай свою лаАААпу из меняАААА... ОООУууу... ффф... нннААААА... — стонала она.

Доктор сделал очередное усилие, и его рука вышла из матки.

— Йа... Вунда ба... Йа... — произнес доктор, показывая руку оператору. Она была вся в крови и сгустках.

Оператор показывал руку и матку женщины. Шейка была полностью вытащена из влагалища, она была раскрыта и кровь стекала на кресло. Доктор открыл свой медицинский поддон и извлек оттуда какую-то штуку, похожую на «маточный колпачек». Он подошел к женщине и начал делать какие-то манипуляции.

— ААААййй... УУУУууууу... ффффф... ААААнннн... МММммм... ААА... — стонала Татьяна, пока доктор возился у неё между ног.

Повозившись так немного, доктор отошел от неё. Затем он деловито вымыл свои руки под краном и, приготовив очередной укол, сделал его в шейку. Он достал специальные салфетки и полностью вытер пизду и ноги женщины. Затем уже уснувшую Татьяну на кресле увезли в соседнюю комнату, предварительно подмыв и простерилизовав вагину. Далее шло затухание кадра и резкий конец кассеты.

Тимка даже не ощутил окончание кассеты, настолько он был в трансе. Наконец, очнувшись, он услышал шум перематываемой кассеты, а его рука ощутила мокрое пятно между ног на своих штанах. Но это его ничуть не смутило. Он словно прилетел с другой планеты и в одночасье лишился всех своих преимуществ... Послышался лязг дверного замка и вскоре домой вошел Кирилл.

— Ну, что, киноман? — засмеялся он. — Всё просмотрел?

— Кирюха, спасибо тебе огромное! Я просто охуел! А ещё есть продолжение?

— Нет, больше нет. Да такое-то и смотреть больше не захочешь! Разве только озабоченным. Отец один раз с другом смотрел и то около двадцати минут. Скоро выбросит.

— Как выбросит? — не понял Тимка.

— Как-как? Ну, в мусорку выбросит и всё!

— Так пусть отдаст мне! — воскликнул Тимка.

— Ты что! Отец вообще не знает, что я смотрел её. Это я просто шифр его сейфа знаю. Я, конечно, могу поговорить с другом его, поскольку слышал, что она ему, вроде как не особо нужна...

— Поговори, Киря! — умоляюще попросил Тимка.

— Ну, ладно, поговорю... — смущенно произнес Кирилл. — Что, так зацепило?

— Да вообще! — воскликнул Тим. — Слушай, а кто снимает-то это?

— Албанцы. — сухо ответил Кирилл.

— Откуда знаешь?

— А у отца друг был в тех местах и нечто подобное видел на прилавке. Они там и сербок насилюют и своих албанок. А здесь вот россиянок, молдаванок и хохлушек. Для Европы делают — там хорошо платят за данное видео...

— И что, матери настоящие? — недоверчиво спросил Тим.

— А ты как думал? Конечно, настоящие! Были там, допустим, на отдыхе. Они их похищают и далее они рабы для них. Могут всё, что захотят, то и сделать. Вообще отморозенные! Кстати, друг отца говорит, что там им чеченцы помогают в этом...

— Да, дела... Но, чертовски возбуждает!

— Да вся Европа в ахуе от их видео. Отец рассказывал другу, а я слышал нечаянно, что они видео и про детей снимают на всю катушку. Для них нет запретных тем, что их попросят, то они и снимают...

Домой Тимка шел уже успокоенный и счастливый, в предвкушении чего-то нового...

Время близилось к обеду.

— Привет, мам! — радостно произнес он, открывая входную дверь.

— Здравствуй, сынок! — обрадовалась мать возвращению сына. — Ну, взял конспекты?

— А? — не понял Тимка. — Да, мам, взял...

— Ну, пошли обедать? — улыбнулась мать, глядя на сына.

Обед проходил под общее молчание и постукивание ложек по тарелкам.

— Мне сегодня в консультацию нужно сходить. — внезапно прервала молчание мать. — У тебя какие планы на остаток дня?

— Ну... — помедлил сын. — Ничего я не планировал. Пожалуй, пойду с тобой, заодно и прогуляемся. Отец мне велел присматривать...

— Ммм... Понятно... — лукаво посмотрела на сына мать. — Спасибо, сынок, а то одной как-то... одиноко...

Пока мать допивала компот и мыла посуду, Тимка пошел в ванную и замочил свои влажные от былых «излияний» брюки. () Потом, подмывшись, он вышел и пошел переодеваться. Мать последовала в ванную, прихватив с собой бельё. Пока Тим переодевал брюки, мать вышла из ванны и последовала в свою комнату. Спустя пару минут, Тимка, уже переодетый, вышел в коридор. Ему навстречу вышла одетая мать. Тимка потерял дар речи! На матери было обтягивающее платье с довольно смелым декольте. Лифчик отсутствовал, и крупные выпирающие соски вызывающе просились наружу.

— Как я выгляжу? — улыбаясь, спрашивала она.

— Мам, это... это... Ты просто великолепна! — запинаясь произнес Тимка.

— Хмм... Спасибо, сынок! — лукаво смотря сыну прямо в глаза, сказала она. — Ну, пошли? Они вышли и направились к женской консультации, которая находилась недалеко от дома. Нечего и говорить о том, что аппетитная женская задница переваливалась и виляла, натягивая при ходьбе платье и заставляя слегка «вилять» декольте влево-вправо. Мать держала сына под руку, улыбаясь при этом и выпячивая напоказ свой беременный живот. Тимку это не смущало, поскольку он воспринимал этот кич матери, как постепенное освобождение от нравственных табу и объяснял это энцефалопатией во время беременности.

— Тебе действительно нравится, как я одета? — спросила она.

— Да, мам, очень. Я же говорил тебе уже. — ответил Тим.

— Слушай, на нас все мужики таращатся! — улыбалась мать. — А мне это нравится! Не знаю, что со мной произошло, раньше такой скромной была...

— А еще раньше и девочкой-целочкой была... — вальяжно говорил сын.

— Да... — засмеялась мать. — Даже в школе, не поверишь, до десятого класса не целовалась никогда!

— А что у тебя там смотреть будут? — внезапно спросил Тим.

— Ну, что у нас, баб смотрят, — ничуть не смутившись, отвечала мать. — Шейку мою посмотрят, грудь, живот замерят, положение плода проверят.

— Понятно. — сухо ответил сын. — Слушай, мам, а давай потом прогуляемся на речку?

— Давай! — согласилась мать. — А то я уже давно на реке не была, хотя она у нас так близко.

С этими словами они дошли до дверей, над которыми было написано: «Женская консультация».

(продолжение следует)